

T.J. Luce, A.J. Woodman (eds.). Tacitus and the Tacitean Tradition. Princeton University Press, Princeton (NJ) 1993, pp. 205*

“Тацит и тацитовская традиция” – под таким названием опубликованы труды коллоквиума, состоявшегося в Принстоне в марте 1990 г. В нем не смог принять участие Рональд Сайм, скончавшийся 4.10.1989 и поэтому сборник открывает краткий некролог, написанный его учеником Г. Бауэрсоком (G.W. Bowersock – р. XIII-XIV), из которого мы узнаем, что великий ученый был новозеландцем, обосновавшимся в Англии (тут можно вспомнить физика Резерфорда), что он любил путешествия и охотно ездил на научные конференции, когда его приглашали (а в последнее время и за свой собственный скромный счет), что он отличался феноменальной памятью и любовью к римским древностям и Тациту, которого он прочел подряд более тридцати раз, что у него было мало учеников, что он был внимательным и снисходительным учителем, что он обращал особое внимание на стиль и звучание иностранных языков (и многие знал хорошо), что о его личной жизни и слабостях почти ничего не известно кроме того, что он решительно не любил музыки и что о нем можно сказать его же собственными словами: “style abides”.

Тот же Бауэрсок, ныне автор уже пяти монографий, – Roman Arabia (1983), Hellenism in Late Antiquity (1990) и т.д., – выступит с интересным докладом “Тацит и провинция Азия” (3-10), в котором, опираясь на часто встречающееся у Т. сочетание *Achaea et Asia* (с вариантами в позиции компонентов и в соединительных союзах), утверждает, что Т. провел свой пропреторский *quadriennium* 89-93 гг. именно в этих провинциях в качестве легата, откуда его компетенция и одновременно особый интерес к затрагивающим эти провинции событиям, *res Asiae*. Тем самым опровергается один из главных тезисов Сайма – датировка начала работы над “Анналами” 115 г., после проконсульства в Азии в 112-113 гг. (Сайм, как известно, делал из этого предположения весьма спорный вывод, что в изложении Т. первых лет правления Тиберия отразились события начала правления Адриана - R. Syme, Tacitus, Oxford 1958, 770). В качестве доказа-

---

* Эта рецензия была написана в Вольфенбюттеле в сентябре 1995 г. благодаря стипендии земли Нижняя Саксония и любезности сотрудников межбиблиотечного абонемента библиотеки им. герцога Августа.

тельства упоминается, в частности, знаменитый пассаж *ann.* 2. 61 *quod nunc rubrum ad mare patescit*, который Сайм (как ранее уже Юст Липсий) связывал с походом Траяна, когда римские войска в 115 г. впервые вышли к Персидскому заливу; теперь под *rubrum mare* понимают Красное море, ставшее пограничным после образования провинции Arabia в 106 г. (см.: *G.W. Bowersock, The Greek-Nabatean Bilingual Inscription at Ruwâfa, Saudi Arabia // Le monde grec: Hommage à C. Préaux, Bruxelles 1975, 513-522*). Основной акцент делается на послужные списки нескольких современников Т., бывших легатами указанных провинций, однако следовало бы отметить тот факт, что все они были уроженцами Малой Азии, в то время как родина Т., во всяком случае, лежала на западе. Оригинальную гипотезу Б. столь же легко принять или отвергнуть, как и аналогичные предположения итальянских и немецких гуманистов относительно возникновения “Германии” в связи с предполагаемым происхождением Т. из провинции Бельгика – *Plin. nat. hist.* 8, 17(76) – или его путешествием/службой в Германии, но она интересна как попытка расшатать “саймовскую парадигму” – при всем почтении автора к личности учителя.

Статья принстонского профессора Т. Луса (T.J. Luce) – автора солидной монографии о Тите Ливии (1977) – “ДИАЛОГ: прочтение и отклик” (р. 11-38) с ее многочисленными и порой весьма обширными примечаниями – это, на наш взгляд, самая выдающаяся работа по данному памятнику за последнее десятилетие. При этом она не решает ни одной серьезной проблемы, т. е. не дает прямого ответа, зачем, когда и для чего написал Т. это свое загадочное сочинение. Оставляя историческую ситуацию в стороне, автор сосредотачивается на анализе самого текста: “Диалог” рассматривается как в плане формы (сравнение с *De oratore* и *De re publica* Цицерона, а также с диалогами Платона), так и в плане его проблематики (тема упадка красноречия оказывается отнюдь не новой: Цицерон, оба Сенеки, Плиний Старший, не говоря о Квинтилиане). За общей характеристикой – пересказом памятника (р. 13-16 – необходимое вступление к широкомасштабному исследованию) следует перечень отдельных проблем и их решений (р. 18-25) и “Аргументация” (р. 26-33) с “Заключением”. Четкой структуре статьи соответствует и глубокая проработка материала, как античной риторики, так и современной научной литературы, в том числе и немецкой. Видимо, автор работал над статьей не один год. Эта искренняя заинтересованность Л. в Т. до некоторой степени компенсирует неубедительное решение основной из рассматриваемых им проблем: не-

последовательность Матерна в его первой и в заключительной речи предлагается понимать как импровизацию талантливого декламатора (т.е. Тацита), не очень думающего о существе дела. “Диалог”, при всей его блистательности, вторичен (derivative – p. 12); этот вывод, приведенный в начале статьи как общее мнение, как бы подтверждается и автором; его софистичность (double reading), распространяется на самого Т. (“...a mirror of T. himself in his other works; in style, thought and narrative method” – p. 27). При всем уважении к автору и его попытке реабилитации античной декламации (до некоторой степени обоснованной) мы никак не можем разделить его выводов: скорее можно заключить о бесперспективности такого рода поисков. Ключ к “Диалогу” – в политической ситуации и напрасно Л. отверг традиционное отождествление адвоката и поэта Матерна с софистом Матерном, казненным Домицианом в 91/92 г. за декламации против тираннов (Cass. Dio 67, 12, 5), см. нашу статью “Тацит о венедах” в ВДИ, 1991, № 2, 49, прим. 5.

Статья Елизаветы Кейтель (E. Keitel) “Речь и рассказ в 4-ой книге “Историй” (p. 39-58) посвящена проблемам композиции (автор готовит монографию о структуре “Историй”) и, как почти все работы такого рода, не содержит чего-либо существенно нового. Примечательно, что автор не рассматривает речи (их много в этой книге) как чисто риторические упражнения; тем не менее К. все же недооценивает их историческую значимость и отсюда их необходимость: от писателя зависела лишь их форма (прямая или косвенная речь) и, разумеется, размеры, но на это обстоятельство К. не обращает внимания. Взамен делается акцент на отдельных совпадениях, например 8,2 *bonos imperatores voto expetere, qualiscumque tolerare* в речи Эприя Марцелла и 74,2 *ita luxum vel avaritiam dominantium tolerate* в речи Цериала, хотя здесь мы имеем дело с банальной для Империи середины I в. истиной, которую отвергали разве что представители стоической оппозиции (ср. Agr. 42,3 *posse etiam sub malis principibus magnos viros esse*) и которая в устах delator’a Марцелла и профессионального военного Цериала звучит совсем по-разному. Наконец, отнюдь не колебания между *libertas* и *servitus* в Риме и провинциях составляют основную тему 4-ой книги: ее последние главы (81-85) посвящены Флавиям, главным образом исторически малозначительным событиям в Александрии, плавно переходящим в рассказ об основании местного храма Зевса; в последующих книгах образ доброго правителя Веспасиана естественно выдвигался на передний план. 4-ая книга служит, таким образом, свое-

го рода переходом от “длинного” 69-го года к правлению лучшего римского императора I в. н.э.

Статью оксфордского филолога (специалиста по Плутарху) Кристофера Пеллинга (C.V.R. Pelling) “Тацит и Германик” (р. 58-85), вероятно, лучше начинать читать с самой последней фразы, где тацитовская характеристика Германика объявляется “сложной и неоднозначной” (*complex and qualified*), как и отношение Т. к республике и империи. Вслед за Гудьером и другими учеными автор подвергает пристальному анализу действия тацитовского героя как в Германии, так и на Востоке и находит в них – опять-таки вслед за многими другими – немало поводов для критики: неуверенность и жестокость при подавлении мятежа, неудачные военные экспедиции, несанкционированная и вызвавшая гнев Тиберия поездка в Египет, исполненная ненависти к предполагаемым отравителям предсмертная речь и т. д. В результате Тиберий, которому противопоставляется Германик, оказывается не таким уж и плохим, а Германик – не таким уж и хорошим и во всяком случае плохо приспособленным для своего времени, требовавшего от государственного деятеля совсем других качеств – не простодушия и мягкости, *comitas*, а скрытности и т. д. Даже в знаменитом сравнении с Александром (*ann.* 2,73,1) автор находит уязвимое место (“романтическая фигура из прошлого” – р. 78). Все это при желании нетрудно опровергнуть: мятеж легионов был спровоцирован растерянностью самого Тиберия; при его подавлении, как и во время военных кампаний, Германик проявил стойкость и решительность; запрет посещать Египет не мог распространяться на сына принцепса и т. д. Главное другое: Германик был сыном Друза, тоже народного любимца и национального героя, но вместе с тем отцом Калигулы и дедом Нерона, безусловно худших императоров из династии Юлиев - Клавдиев. Как это могло получиться? Т. несомненно поставил этот вопрос в недошедших до нас книгах “Анналов” и именно на него, а не на мнимые недостатки Германика должно быть обращено наше внимание (следствие неограниченной власти, погубившей Тиберия и через него всю династию?).

Гиперкритична и статья Юдифь Гинсбург (J. Ginsburg – автор монографии об “Анналах” [1981]) “*In maiores certamina: прошлое и настоящее в “Анналах”*” (р. 86-103). Подробно анализируя две сенаторские речи: Цецины о женах губернаторов (3, 33-34) и Кассия Лонгина – о казни всей *familia* убитого рабом городского префекта (14, 42-45), автор приходит к выводу, что выбор этих двух эпизодов обусловлен желанием Т. показать, насколько сенат времен Империи отличался от республикан-

ского (оба оратора опирались на древнюю традицию и Т. использовал для первой речи аналогичное обсуждение *lex Oppia* у Liv. 34, 1-8, а второй придал отчетливый саллюстианский колорит). На наш взгляд, последняя речь вообще не требует комментариев (Гинсбург также признает ее историчность – р. 97, п. 36); что же касается первой речи, то она связана с процессом Пизона (3, 1-19) и выдвигает на первый план доблестного легата Германика Цецину, одновременно подчеркивая, что принц погиб из-за козней оставшейся ненаказанной жены Пизона Планкины. Ирония по адресу сената здесь у Т. явно на втором плане: тема упадка сената встречается у него не раз и он обычно не стесняется в выражениях.

Статья одного из составителей сборника, дарэмского профессора Энтони Вудмена (A.J. Woodman) “Драматурги-любители при дворе Нерона: *ann.* 15, 48-74”, р. 104-128) интерпретирует тацитовский рассказ о заговоре Пизона как пример драматического повествования и тоже, как нам кажется, заходит слишком далеко. Правда, задача автора была осложнена тем, что а) заговорам вообще присущ драматизм и б) друзья Пизона намеренно театрализовали свои действия: предполагаемое убийство Нерона “ставилось” как смерть Цезаря; театральна история кинжала Скевина, его приготовления к покушению и т.д.; в) сам Нерон организовал покушение на Агриппину, заимствовав идею кораблекрушения из драмы (Cass. Dio 62,12,2); кроме того, он создавал кровавые шарады, используя преступников (Suet. Nero 12,2) и т. д. Вне всякого сомнения, Т. усилил драматический характер повествования языковыми средствами, ср. 14, 54, 4 *cessit fas* и Sen. Med. 900; *ibid. metum intentabat* и Sen. Phaedr. 727 – р. 111. Но когда подробный рассказ Т. о предательстве вольноотпущенника Скевина Милица и его жены отбрасывается в пользу другой версии, мимоходом упомянутой Плутархом (Plut. Mor. 505 C-D – р. 110), то это вряд ли вызовет одобрение тацитоведов: обвинения Т. в недостоверности требуют очень серьезного обоснования. Аналогичный случай имеет место и с параллельной версией Диона Кассия о допросе Субрия Флава (*ann.* 14, 67, 2 и Dio 62,24,2 – р. 124-125), которой, на наш взгляд, совершенно напрасно отдается предпочтение. Тем не менее снабженное обширными и многочисленными (94) примечаниями исследование Вудмена заслуживает внимания.

Профессор Вирджинского университета Марк Морфонд (M. Morfond) в работе “Тацитовская *prudentia* и доктрины Юста Липсия” (р. 129-151) подробно разбирает “Политику” Липсия (1589 г.), построенную в основном на Таците (250 цитат из 600).

Некоторые моменты хорошо аргументированного исследования все же вызывают возражение: слова Клавдия в *ann.* 12, 11, 3 *ferenda regum ingenia, neque usui crebras mutationes*, конечно, малоприменимы для Ирана I в. н.э., но они были очевидной истиной для Т. и его современников, так что упрек Липсию в искажении первоначального смысла (р. 148) необоснован; цитируемая в конце статьи характеристика Т. Р. Саймом как “уклончивого” (*elusive*) писателя (“*T. is a subtle and sophisticated writer... His manner is majestic and reticent*” – *R. Syme. Ten Studies in T., Oxford 1970, 131*) вряд ли разделялась Липсием, великолепно понимавшим как тацитовскую латынь, так и его время; вообще сомнительно, чтобы такая черта, как уклончивость, могла импонировать поклонникам великого римского писателя. Но для Морфонда момент пересмотра саймовской парадигмы, видимо, еще не наступил.

Автор восьмой статьи “*Tacitus Noster: “Германия в эпоху Ренессанса и Реформации”*” (р. 152-167), профессор ретджерского университета Дональд Келли (*D.R. Kelley*) специализируется в области современной истории и, соответственно, рассматривает сочинение Т. в плане его влияния на современную науку: “Т. посмертно способствовал развитию не *historia*, а скорее *eruditio*” (р. 162), в частности увлечению этимологией германских имен и вообще серьезному занятию германскими древностями, например, Беата Ренана. Но в первую очередь “Германия” была использована немецкими гуманистами в их полемике с итальянцами для защиты достоинства немецкой нации. Французы и англичане искали у Т. свои германские истоки: итальянец Вико – материал по первобытным народам: известный афоризм *Germ. 19 plusque ibi bonae mores valent quam alibi bonae leges* Вико возвел в один из принципов своей *Scienza Nuova*.

Завершающая сборник статья Г.Д. Вейнброта (*H.D. Weinbrot*) “Политика, вкус и национальная идентичность: тацитовские мотивы в Британии 18 в.” (р. 169-189) содержит любопытный материал как по тацитизму вообще, так и по некоторым частным вопросам, например, о критике римского империализма в речи Калгака из “Агриколы”, которая сравнивается с колониальной политикой Англии, делавшей акцент не на порабощении и ограблении народов, а на торговле.

А.Б. Черняк
Институт лингвистических исследований, РАН
Санкт-Петербург